

JAN CZERNIAKIEWICZ

Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej

Морфологические функции праславянских альтернаций

Morfologiczne funkcje alternacji prasłowiańskich

В славянском и русском языкознании широко изучены и описаны чередования (анг. alternation) вокальных и консонантных фонем как в корневых (анг. root), так и деривационных (англ. derivation) морфемах, а также во флексии (англ. Inflexion). Хорошо освещается этот вопрос и в иных индоевропейских языках преимущественно как констатация факта без указания на их функцию (Ежи Курилович – 1956: 402-423, 1957: 71-113, Вера Павловна Беседина-Невзорова – 1962: 69-87, Тадеуш Милевски – 1969: 309-326, Варвара Фёдоровна Кривчик – 1970: 57-59, Академическая Грамматика-70 – 1970: 462-485, Георгий Александрович Хабургаев – 1974: 117-126, Радослав Бошкович – 1984: 37-38, Зенон Клеменевич – 1981: 177-180, Лешек Беднарчук – 1986: 25-26, Казимеж Полянски 2003: 38-39 и др – Вайлант 1966). Однако они представляют большую ценность, так как способствуют дальнейшему исследованию этой проблемы.

Чередования как вокальных, так и консонантных фонем в праславянском языке следует рассматривать по периодам развития самого языка. Известно, что праславянский язык существовал около трёх тысяч лет. На протяжении такого длительного времени в языке не могло не наступить никаких изменений в области фонологии, морфологии и лексики, а также в синтаксическом строе языка.

В нашей статье границы периодического развития языка будут условно определяться возникавшими значительными изменениями в его фонологической системе. На письме они будут обозначаться двумя косыми чёрточками //.

Результаты сплошного лексико-морфологического исследования генетически родственных слов старославянского и современных языков, а также иных языков индоевропейской семьи, делают возможной попытку реконструировать лексико-морфологическую структуру как периодическое ретроспективное развитие праславянского языка, так и последнего периода развития (периода распада) общеиндоевропейского языка (о.и.е.), а также определить функцию чередований в однокоренном гнезде слов как в корневых, так и в аффиксальных морфемах.

Альтернативой (чередованием), как кажется, можно считать такую мену фонем, которая в определённом периоде развития языка использовалась в образовании других частей речи или их форм. Фонемы и морфемы чередования будем называть *альтернантами*. Известно, что в первом периоде развития праславянский язык располагал унаследованной фонологической системой из (о.и.е.) как консонантными, противопоставлявшимися придыхательным элементом [h], так и вокальными по длительности и краткости. При отсутствии словесного ударения, такие фонемы могли выполнять свою функцию, так как произношение речи было посложное. Затем такая фонологическая система начала упрощаться под влиянием развития в языке музыкального ударения, выравнивавшего тон в слове и слоге, (Чернякевич 2003: 107), т.е. консонантные потеряли свой придыхательный элемент [h], а вокальные – длительность и краткость. Развитие музыкального словесного ударения также способствовало перераспределению границ слогов. А это привело к стечению двух вокальных или двух одинаковых по качеству консонантных, что препятствовало плавности произношения. Язык вынужден был устранять такое явление, т.е. такие вокальные выпадали, а предидущий из консонантных диссимилировался или выпадал.

Альтернатива фонем или морфем в определённом периоде существования языка могла являться формо-словообразовательной или выполняла чисто фонетическую функцию, например: *[ghörētīs // > görētīs (gh > g) // gorētīs (ō > o, ē > ě, ĭ > ь) // > gorětĭ] > ст.-сл. **горѣти**, рус. гореть, белорус. гарэць, польск. gorzeć, серб. горјети, чеш. horeti. Ср.: лит. garėti – “жечь”, др.-инд. gorim – “грею”: и *[ghērūs // > gērūs // > gērūs > ž’ĕr > ž’ar] > ст.-сл. **жаровый** – “высокоствольный”, **жаравый** – “горящий”, рус. жар, белорус. жар, польск. żar. Ср. арм. ger – “тёплый”, germ – “горячий”, др.-инд. haras – “жар”, курд. gärm – “горячий” В этом однокоренном гнезде альтернанты *[ō : o; ē : ě : `a : a; gh : g : ž] выполняло чисто фонетическую функцию – они выравнивали тон в слове, а альтернанты в корневой морфеме *[ō : ē : ě : a] – словообразовательную: образование отглагольного существительного.

Мена звуков в составе морфемы, происшедшая в процессе длительного развития языка, является чисто фонетическим фактором, вызванным определённой языковой закономерностью, возникшей в праславянском языке

в процессе его существования – развитием того же музыкального ударения. Такая альтернатива не отыгрывала никакой роли в образовании лексем или их форм, а лишь приводила к качественным изменениям тех альтернантов. Они являлись аллофонами исходных фонем, например: *[mǐglās // > mǝglas // > mglɑ] > ст.-сл. **мьгла**, рус. мгла – “пелена тумана, пыли”, польск. mglɑ. Ср.: лит. migla – “туман”, латыш. – “тж.”, нидерл. miggelen – “моросить”, др.-инд. mih – “дождь”, арм. mēg – “туман”, санскр. meghās – “облако”. Здесь мена звуков *[ī : ь : ø] не изменяла семантики данного слова. В выше рассмотренном однокоренном гнезде чередование консонантных звуков [gh : g : ž] также являлось фонетическим фактором. Результаты мены звуков этих двух примеров связаны с развитием того же музыкального ударения.

Альтернатива в знаменательных частях речи

В лингвистике существуют термины **парные** и **непарные** глаголы. Живутся они на способности противопоставления действия или состояния их видовых пар. Основываются они на мена звуков фонологического состава в корневых морфемах (англ. root morphem) или на чередовании аффиксальных морфем (англ. affixal morfem).

Двухвидовые глаголы (англ. bi-aspectual)

*[dōdh-] – “благодарить”

О.и.е. корневая морфема *[dōdh-] с суффиксом инфинитива *[-tī-] и указателем границы слова *[-s] послужила развитию глагольной формы однократного действия: *[dōdhtīs // > dōdtīs (dh > d) > dōttīs (d > t) // > dastъs (t > s, ō > a, ĭ > ь) > // > datъs (s > ø) > datъ] > ст.-сл. **дати** – “дать”, рус. дать, белорус. даць, (диал.) дасьці, польск. dać. Ср.: зенд. dadhati, санскр. dadati, др.-инд. dadāti – “даёт”, греч. [didōmi] – “даю”. В этой глагольной форме альтернанты вокальных *[ō : a] и консонантных *[dh : d] послужили выравниванию тона в слове.

Личные глагольные формы нетематических глаголов развивались от корневой морфемы *[dōdh-] посредством соответствующих окончаний с указателем завершения слова *[-s]: (1-е лицо ед. ч.) *[dōdhmīs // > dōdmīs (dh > d) > dōmīs (dm > m) > dōmīs (d > ø) > damъs (ō > a, ĭ > ь) > damъ] > ст.-сл. **дамь**, рус. дам, белорус. дам, польск. dam; (2-е лицо ед. ч.) *[dōdhsīs // > dōdsīs (dh > d) > dōtsīs (ds > ts) // > dasъs (ts > s, ō > a, ĭ > ь) > daš’ъs (sъ > š’ъ) > daš’ъ] > ст.-сл. **даси**, рус. **дашь**, белорус. дасі, польск. dasz; (3-ье лицо ед. ч.) *[dōdhtūs // > dōdtūs (dh > d) > dōttūs (dt > tt) > dōstūs (tt > st) // > dastъs (ō > a, ŭ > ь) > dastъ] > ст.-сл. **дастъ**, рус. даст, белорус. дасць, польск. da. В данном однокорневом гнезде в личных формах глагола в корневых морфе-

мах альтернатива наблюдалась как вокальных $*[\bar{o} : a]$, так и консонантных $*[dh : d : \emptyset]$, способствовавшая выравниванию тона в слове. Также альтернатива выступала и в окончаниях личных глагольных форм: фонетическая $*[\bar{i} : ь, \bar{y} : ь]$, выравнивавшая тон в слоге; формообразующая $*[m\bar{i} > mь : s\bar{i} > сь > s'ь : t\bar{u} > ть]$, сохраняя корневую фонему $*[dh]$ с последующими её аллофонами $*[d : t : \emptyset]$.

Та же о.и.е. корневая морфема $*[d\bar{o}udh-]$ явилась источником для образования глагольной формы кратного действия посредством альтернативы $*[\bar{o} : \bar{o}u]$ и деривационной суффиксальной морфемы $*[-\bar{a}-]$ с суффиксом инфинитива $*[-t\bar{i}-]$: $*[d\bar{o}udh\bar{a}t\bar{i}s // > * [d\bar{o}ud\bar{a}t\bar{i}s (dh > d) * [d\bar{o}u\bar{a}t\bar{i}s (d > \emptyset) // > davat\bar{y}s (\bar{o}u > av, \bar{a} > a, \bar{i} > ь) // > davat\bar{y}] >$ ст.-сл. **ДАВАТИ** – “давать”, рус. давать, белорус. даваць, польск. dawać, чеш. davati, серб. давати. Ср.: лит. dúoti “давать”. В этой глагольной форме альтернатива $*[\bar{o} : \bar{o}u]$ в корневой морфеме выполняла формообразовательную функцию, но чередование вокального $*[\bar{o} : a, \bar{a} : a, \bar{i} : ь]$ и консонантных $*[dh : d : \emptyset]$ послужили выравниванию тона в слове, т.е. выполняли чисто фонетическую функцию.

В данной паре глаголов в о.и.е. корневой морфеме альтернанты $[\bar{o} : \bar{o}u]$ выполняли функцию образования противоположных видов. Кроме того для развития кратной формы глагола была использована деривационная суффиксальная морфема $*[-\bar{a}-]$.

От о.и.е. корневой морфемы $*[d\bar{o}dh-]$ развились существительные с незначительной семантической разницей посредством суффиксальных морфем: а) при помощи деривационной морфемы $*[-r-]$ и окончанием $*[-\bar{a}-]$: $*[d\bar{o}dhr\bar{u}s // > d\bar{o}dr\bar{u}s (dh > d) // > dar\bar{y}s (\bar{o} > a, d > \emptyset, \bar{y} > ь) // > dar\bar{y}] >$ ст.-сл. **ДАРЬ**, рус. дар, белорус. падарунак, польск. podarunek. Ср.: греч. $[d\bar{o}ron]$ – “дар, подарок”, лат. dare – “давать”; б) посредством деривационных морфем $*[-ai-, -\bar{i}n-, -\bar{i}i-]$ с окончанием $*[-\bar{e}-]$: $*[d\bar{o}dhai\bar{i}n\bar{i}i\bar{e}s // > d\bar{o}dai\bar{i}n\bar{i}i\bar{e}s (dh > d) // > da\bar{e}^{\bar{y}}n\bar{i}e\bar{y}s (d > \emptyset, ai > \bar{e}, \bar{i}n > ьn, \bar{i}i > ьi, \bar{e} > e) > da\bar{e}^{\bar{y}}n\bar{o}i\bar{e}\bar{y}s (\bar{y}n > \bar{o}n, ьi > \bar{o}i) > da\bar{e}^{\bar{y}}n\bar{o}i\bar{e}\bar{y}] >$ ст.-сл. **ДАЧНИЕ** – “дар”, белорус. дар, рус. дар, дачение (уст.) – “пожертвование”; в) с помощью деривационных морфем $*[-t-, -\bar{i}i-]$ и окончания $*[-\bar{a}-]$: $[d\bar{o}dht\bar{i}i\bar{a}s // > d\bar{o}dt\bar{i}i\bar{a}s (dh > d) > d\bar{o}tt\bar{i}i\bar{a}s (dt > tt) // > dat\bar{y}i\bar{a}s (tt > t, \bar{o} > a, \bar{i}i > ьi, \bar{a} > a) > dat\bar{o}j\bar{a}s (\bar{y}i > \bar{o}j) > da\bar{c}'as (t\bar{o}j > \bar{c}') > da\bar{c}'a] >$ ст.-сл. **ДАЧА** – “угодья и земли”, др.-рус. дачька – “дар”, рус. дача – “то, что даётся”, белорус. дача. Ср.: греч. $[d\bar{o}tis, dosis]$ – “дар, подарок”. Морфологические альтернанты: в корневой морфеме $*[d : r]$, в суффиксальных морфемах $*[\bar{o} : \bar{a}, \bar{i}n, \bar{i}i, t, \bar{i}i]$ в рассматриваемых существительных выполняли словообразовательную функцию, так как они выступали в одной и той же части речи, но изменяли семантику каждой из лексем, а выпадение в корневой морфеме консонантного $*[-t- < -d- < -dh-]$ послужило созданию плавности произношения, т.е. выравниванию тона в слове.

Одно из рассматриваемых существительных послужило развитию близкой по значению глагольным формам данного однокоренного гнезда.

Основа *[dōdhr-] существительного *[dōdhrūs // > darъs // > darъ] послужила развитию глагольных форм посредством деривационных суффиксальных морфем: а) *[-ōu-, -ā-] с суффиксом инфинитива *[-tī-] развилась глагольная форма однократного действия: *[dōdhrōuātīs // > dōdrōuātīs (dh > d) > darovatъs (d > ø, ō > a, ōu > ov, ā > a, ī > ь) // > darovatъ] > рус. даровать (свободу), белорус. дараваць, польск. darować – ”даровать”. В этой глагольной форме альтернанты *[dh : d : ø, ō : a, ōu : ov, ā : a, ī : ь] выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернанты *[ø : ōu, ā] – словообразовательную; б) *[-ei-] с суффиксом инфинитива образовалась глагольная форма кратного действия: *[dōdhrēitīs // dōdreitīs (dh > d) > dōreitīs (d > ø) // > daritъs (ō > a, ei > i, ī > ь) > daritъ] > рус. дарить, белорус. дарыць, польск. darzyć. В рассматриваемой глагольной форме альтернанты *[dh : d, ei : i, ī : ь] выполняли чисто фонетическую функцию, но альтернанты суффиксальных морфем *[ø : ei] - словообразовательную, так как они послужили развитию противоположных глагольных форм.

Личные формы глагола развились от основы инфинитива *[dōrei-] посредством суффиксальных морфем *[-ō-, ī] и соответствующих личных окончаний: (1-е лицо ед. ч.) *[dōdhrēiōiōns // > dōdreiōiōns (dh > d) > dōreiōiōns (d > ø) // > dariōiQs (ō > a, ei > i, ō > o, ī > ь, on > Q) // > dariQs (io > iō, ь > ø) > dar’iQ] > ст.-сл. дарѣжъ, рус. дарю, белорус. дару, польск. (prze-) darzę; (2-е лицо ед. ч.) *[dōdhrēiōiōisīs // dōdreiōiōisīs (dh > d) > dōreiōiōisīs (d > ø) > dariōiōisīs (ō > a, ei > i, ō > o, ī > ь, ī > ь) > dariš’ъs (ōi > ø, sь > š’ъ) > dariš’ъ] > ст.-сл. дарѣши, рус. даришь, белорус. дорыш, польск. darzysz; (3-ье лицо ед. ч.) *[dōdhrēiōitūs // > dōdreiōitūs (dh > d) > dōreiōitūs (d > ø) // > dariōitъs (ō > a, ei > i, ōi > o, ū > ь) // > daritъs (ōi > ø) > daritъ] > ст.-сл. даритъ, рус. дарит, белорус. дорыць, польск. darzy. Альтернанты *[dh : d, d : ø, ō : a, ei : i, ō : o, ī : ь, on : Q, ō : a, ī : ь, oы : ø, s : š’, ū : ь] во всех личных глагольных формах выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернанты личных глагольных окончаний *[on > Q, s > š’ : t] - формообразовательную функцию.

*[ghoi-] – “сиять пустотой”

О.и.е. корневая морфема *[ghoi-] послужила развитию глагольной формы кратного действия без деривационной суффиксальной морфемы с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[ghoitīs // > goitīs (g < gh) // > gētъs (ē < oi, // > zētъs (z < g) > zētъ] > ст.-сл. зѣти – “зиять, раскрываться”, польск. ziać. В данной глагольной форме альтернанты *[gh : g, oi : ē, g : z, ī : ь] выполняли чисто фонетическую функцию.

Та же о.и.е. корневая морфема *[ghoi-] явилась производящей в образовании глагольной формы однократного действия посредством альтернанта в корневой морфеме *[oi : ei] и с использованием деривационной суффиксальной морфемы *[-non-], а также суффикса инфинитива *[-tī-]: *[gheinontīs // > geinontīs (g < gh) // > zinQтъs (z < g, i < ei, Q < on, ь < ĭ) > zinQтъ] > ст.-сл. **зинѣти** – “зевнуть” др.-рус. зинѣти, рус. зевнуть, белорус. пазяхнуць, польск. ziewnać. В этой глагольной форме альтернанты *[gh : g, g : z, ei : i, on : Q, ĭ : ь] выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернанты в корневых морфемах *[oi : ei] – формообразовательную.

Также выступала в праславянском языке и глагольная форма постоянного действия, которая развилась от о.и.е. корневой морфемы *[ghoi-] глагола однократного действия посредством мены в корневой морфеме *[oi : ei] и при помощи деривационных суффиксальных морфем *[-īi-, -ā-] с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[gheiīātīs // > geīīātīs (g < gh) // > zīyātъs > (g > z, ei > i, ī > ы, ā > a, ĭ > ь) > zīyātъs > zīōjātъs (ы > øj) > zījātъs > zījātъ] > ст.-сл. **зїати** – “раскрывать рот”, рус. зиять – „быть раскрытым”, белорус. зеўраць, польск. ziać.

Та же корневая морфема о.и.е. языка *[ghoi-] послужила развитию существительных посредством деривационных суффиксальных морфем: а) посредством деривационной суффиксальной морфемы *[-īu-] с окончанием *[ū]: *[ghoiīuīs // > goīuīs (g < gh) > zoīuīs (z < g) > zěyūis > (ě < oi, īu > ьу, ū > ь) // > zěøvъs (ьу > øv) > zěvъ (v < øv) > ст.-сл. **зѣвъ** – “щель, отверстие”, рус. (уст.) зев – “вход из полости рта в глотку”, польск. ziew. В данном существительном альтернанты *[gh : g, g : z, oi : ě, īu : ьу, ū : ь, ьу : øv] выполняли чисто фонетическую функцию, но суффиксальный альтернант *[-ø : īu] – словообразовательную; б) при помощи деривационных суффиксальных морфем *[-an-, -īi-] с окончанием *[-ě-]: *[ghoiīuanīēs // > goīīuanīēs (g < gh) // > zěyuanъies (z < g, ě < oi, ьу < īu, ы < īi, e < ě) > zěøvanъjes (øv < ьу,) > zěvan'øje (øj < ьj < ы) > ст.-сл. **зїанїе** – “зев, глотка”, рус. зевание, белорус. пазяханне, польск. ziewanie. В этом существительном альтернанты *[gh : g, g : z, oi : ě, īu : ьу : øv, ě : e, īi : ы : ьj : øj] выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернанты суффиксальных морфем *[-ø : an, īi] – словообразовательную.

От основы существительного *[zěv- < zěvъ < ghoīīuīs] образовалась вторичная глагольная пара: а) кратного действия – посредством деривационной суффиксальной морфемы *[-ā-] и суффикса инфинитива *[-tī-]: *[ghoiīuātīs // > goīīuātīs (g < gh) // > zěyuatъs (z < g, ě < oi, ьу < īu, a < ā, ь < ĭ) > zěøvatъs (øv < ьу) > zěvatъ] > ст.-сл. **зѣти** – “зевать”, рус. зевать, белорус. пазяхаць, польск. ziewać, чеш. zivati – “зевать”. В данной глагольной форме альтернанты *[gh : g, g : z, oi : ě, īu : ьу : øv, ĭ : ь] выполняли чисто фонетическую функцию,

а альтернанты суффиксальных морфем $*[\emptyset : \bar{a}]$ – словообразовательную; б) однократного действия – при помощи деривационной суффиксальной морфемы $*[-\text{non-}]$ с суффиксом инфинитива $*[-\text{tī-}]$: $*[\text{ghoi}\bar{u}\text{non}\text{t}\bar{i}\text{s} // > \text{goi}\bar{u}\text{non}\text{t}\bar{i}\text{s} (\text{g} < \text{gh}) // > \text{z}\bar{e}\bar{y}\bar{u}\text{nQ}\bar{t}\bar{y}\text{s} (\text{z} < \text{g}, \bar{e} < \text{o}\bar{i}, \bar{y}\bar{u} < \bar{i}\bar{u}, \text{Q} < \text{on}, \bar{y} < \bar{i}) > \text{z}\bar{e}\bar{o}\bar{v}\bar{n}\text{Q}\bar{t}\bar{y}\text{s} (\bar{o}\bar{v} < \bar{y}\bar{u}) > \text{z}\bar{e}\bar{y}\bar{v}\bar{n}\text{Q}\bar{t}\bar{y}\text{s} >$ ст.-сл. **зинѣти** – “разинуть”, рус. зевнуть, белорус. пазягнуць, польск. ziewnąć. В этой глагольной форме альтернанты $*[\text{gh} : \text{g}, \text{g} : \text{z}, \text{o}\bar{i} : \bar{e}, \bar{i}\bar{u} : \bar{y}\bar{u}, \text{on} : \text{Q}, \bar{i} : \bar{y}]$ выполняли чисто фонетическую функцию, но альтернанты суффиксальных морфем $*[\emptyset : \text{non}]$ – словообразовательную.

$*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{-}]$ – “воплъ”

О.и.е. корневая морфема $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{-}]$ послужила развитию глагольной формы кратного действия посредством деривационных суффиксальных морфем $*[-\text{ks-}, -\bar{e}\bar{-}]$ с суффиксом инфинитива $*[-\text{t}\bar{i}\bar{-}]$: $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{e}\bar{t}\bar{i}\bar{s} // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{e}\bar{t}\bar{i}\bar{s} (\text{ks} > \text{k}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{e}\bar{t}\bar{y}\bar{s} (\bar{i} > \bar{i}, \bar{e} > \bar{e}, \bar{i} > \bar{y}) // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{t}\bar{y}\bar{s} (\text{k} > \bar{c}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{t}\bar{y}\bar{s} > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{t}\bar{y}\bar{s} (\bar{e} > \bar{a}) >$ ст.-сл. **кричати**, рус. кричать, белорус. крычаць, польск. krzyceć. Ср.: лит. krikseti – “покрикивать”, др.-герм. hrika – “скрежетать”, греч. [krike] – “визжи”. В этой глагольной форме альтернанты $*[\bar{i} : \bar{i}, \text{ks} : \text{k} : \bar{c}, \bar{e} : \bar{e} : \bar{a}, \bar{i} : \bar{y}]$ выполняли чисто фонетическую функцию.

Та же о.и.е. корневая морфема $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{-}]$ явилась основанием для образования однократной формы глагола при помощи деривационных суффиксальных морфем $*[-\text{ks-}, -\text{non-}]$ с суффиксом инфинитива $*[-\text{t}\bar{i}\bar{-}]$: $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{n}\bar{o}\bar{n}\bar{t}\bar{i}\bar{s} // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{n}\bar{o}\bar{n}\bar{t}\bar{i}\bar{s} (\text{ks} > \text{k}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{n}\bar{o}\bar{n}\bar{t}\bar{y}\bar{s} (\bar{i} > \bar{i}, \bar{i} > \bar{y}) // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{n}\bar{Q}\bar{t}\bar{y}\bar{s} (\text{on} > \text{Q}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{n}\bar{Q}\bar{t}\bar{y}\bar{s} >$ ст.-сл. **крикнѣти**, рус. крикнуть, белорус. крыкнуць, польск. krzyknąć. В данной глагольной форме альтернанты $*[\text{ks} : \text{k}, \bar{i} : \bar{i}, \text{on} : \text{Q}, \bar{i} : \bar{y}]$ выполняли чисто фонетическую функцию, выравнивая тон в слове, а мена суффиксальных морфем $*[\text{ks} : \emptyset, \bar{e} : \text{non}]$ – формообразовательную функцию.

Существительное развилось от той же корневой морфемы $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{-}]$ посредством деривационной суффиксальной морфемы $*[-\text{ks-}]$ и окончания $*[-\bar{y}\bar{-}]$: $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{y}\bar{s} // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{y}\bar{s} (\text{ks} > \text{k}) // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{y}\bar{s} (\bar{i} > \bar{i}, \bar{y}\bar{s} > \bar{y}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{y}\bar{s} >$ ст.-сл. **кричь, кричава** – “крик, вопль”, рус. крик, белорус. крык, польск. krzyk. В этой лексеме мена фонем $*[\text{ks} : \text{k}, \bar{i} : \bar{i}, \bar{y}\bar{s} : \bar{y}]$ являлась чисто фонетической, выравнивавшей тон в слове, а альтернанты $*[\emptyset : \text{ks}]$ выполняли словообразовательную функцию.

Действительные причастия прошедшего времени (несклоняемые) развились от основ инфинитива с суффиксом $*[-\text{l-}]$ с окончанием $*[-\bar{y}\bar{-}]$: а) от основы $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{e}\bar{-}]$ глагольной формы $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{e}\bar{t}\bar{i}\bar{s}]$: $*[\text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{s}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} (\text{ks} > \text{k}) // > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{k}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} (\text{k} > \bar{c}, \bar{i} > \bar{i}, \bar{e} > \bar{e}, \bar{y}\bar{s} > \bar{y}) > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} > \text{k}\bar{i}\bar{t}\bar{c}\bar{e}\bar{l}\bar{y}\bar{s} (\bar{e} > \bar{a}) >$ ст.-сл. **кричалъ**, рус. кричал, белорус. крычаў, польск. krzyczał. Здесь причастие продолжительного действия развилось посредством деривационной суффиксальной морфемы $*[-\text{l-}]$, а альтернанты фонем $*[\text{ks} : \text{k}, \bar{i} : \bar{i},$

к : љ́, ē : ё́ : ‘а, ѱ : ѳ́] выполняли чисто фонетическую функцию; б) от глагольной основы *[kr̥ksnon-] глагола *[kr̥ksnontis̥]: *[kr̥ksnonlūs // > kr̥knonlūs (ks > k) > kr̥knQl̥s (ī > i, on > Q, ũ > ѳ́) // kr̥knQl̥s] > ст.-сл. **крикнѡлъ**, рус. крикнул, белорус. крыкнуў, польск. krzyknął. Данное причастие, выполнявшее однократное действие, образовалось от глагольной основы однократного действия с помощью той же суффиксальной морфемы *[-l-] и окончания *[-ŭ-]. Мена фонем *[ks : k, ī : i, on : Q, ũ : ѳ́] тоже служила выравниванию тона в слове, но суффиксальная морфема *[-l-] в этих двух причастных вариантах выполняла формообразовательную функцию.

Прилагательное развилось от основы существительного *[kr̥ks-] с помощью деривационных суффиксальных морфем *[-l-, -iu-] и окончания *[-ŭ-]: *[kr̥ksliuŭs // kr̥kliuŭs (ks > k) // > kr̥kliuŭs (ī > i, ũ > iŭ, ũ > ѳ́) // > kr̥kliuŭs] > ст.-сл. **крикливъ**, рус. крикливый, белорус. крыклівы, польск. krzykliwy. В этом прилагательном чередование фонем *[ks : k, ī : i, ũ : iŭ, ũ : ѳ́] было чисто фонетическим, а альтернатива морфем *[ø : l, iu < ũ] послужила образованию части речи, т.е. это чередование выполняло словообразовательную функцию.

Непарные глаголы (англ. non-pair verb)

*bei-] – “удар”

Непарные глаголы - по сути дела они тоже парные. Противоположность действия или состояния непарных глаголов в праславянском языке достигалась посредством некоторых служебных слов, впоследствии ставшими префиксальными морфемами, например, от глагольной формы кратного действия, образовавшаяся бессуффиксальным путём с помощью инфинитивной морфемы *[-tī-]: *[bheitis̥ // > beittis̥ (bh > b) // > beittis̥ > bitis̥ (ei > i, ī > ѳ́) > bitis̥] развились формы однократного действия: *[ðns > nōs > na] > рус. **на**, польск. **na**. Ср.: лат. **an**, гот. **ana**, греч. [**ana**]; [p̥ers > p̥ers > p̥rēs > p̥rē] > рус. **пере**, польск. **prze**. Ср.: др.-прусс. **prei** – “**на, к, у**”, лат. **prae** – “**перед, от**”, греч. [**parai**] – “**около**”; *[ðus > ous > ou > u] > рус. **у**, белорус. **у**, польск. **u**. Ср.: др.-прусс. **au** – “**от**”, латыш. **ou** – “**тж.**”, лат. **au** – “**у**”, др.-инд. **ava** – “**тж.**” и др.: *[ðns bheitis̥ // > nōs beittis̥ (ð > ð, bh > b) // > nas beittis̥ > nabitis̥ (ð > a, ei > i, ī > ѳ́) > nabitis̥] > рус. **набить**, белорус. **набіць**, польск. **nabić**; [p̥rēs bheitis̥ // > p̥rēs beittis̥ (ě > ē, bh > b) // > p̥rēbitis̥ (ē > ě, ei > i, ī > ѳ́) > p̥rēbitis̥] > ст.-сл. **прѣбити** – “**перебить**”, рус. **перебить**, белорус. **парабіць**. Альтернанты в данных глагольных формах *[ð : a, ě : ē : ě, bh : b, ei : i, ī : ѳ́] выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернанты деривационных префиксальных морфем *[ðns : p̥ers] - формообразовательную функцию.

Личные глагольные формы развились от глагольной корневой морфемы посредством мены дифтонгов в корневой морфеме *[ei : i] и при помощи

деривационных морфем *[-ǫ-, -ī-]: (1-е лицо ед. ч.) *[bhīōīions // > bīōīions (bh > b) > byōbions (īi > ы) > byjions (o > ъ, ы > j) > byjions (jj > j) // > bōjQs (on > Q) > bōjQ] > ст.-сл. **виж**, рус. бью, белорус. б’ю, польск. biję; (2-е лицо ед. ч.) *[bhīōīisīs // > bīōīisīs (bh > b) // > byōbīsъs (īi > ы, ǫ > o, īi > ы, ĭ > ь) > bybīsъs (o > ъ) byjesъs // > bōješ’ъs (ы > e, s > š) > bōješ’ъ] > ст.-сл. **виєши**, рус. бьешь, белорус. б’еш, польск. bijesz; (3-е лицо ед. ч.) *[bhīōīiētūs // > bīōīiētūs (bh > b) > byōbiētъs (īi > ы, ǫ > o, īi > ы, ě > e, ū > ь) > bōiētъs (ы > ъ, oъ > ъ) > bōjjetъs > bōjetъ (jj > j)] > ст.-сл. **виєтъ**, рус. бьёт, белорус. б’е, польск. bije. Альтернанты в корневой морфеме *[ei : īi] и суффиксальная морфема *[ǫ : ǫ, īi], как кажется, выполняли словообразовательную функцию, а альтернанты в окончаниях *[on > Q, s > š’, ǫ : t] – формообразовательную функцию, но мена *[bh : b, īi : ы, ǫ : o, īi : ы, īi : ъ, ě : e, ĭ : ь, ū : ь] – выполняла чисто фонетическую функцию.

От данных глагольных форм развились страдательные причастия прошедшего времени посредством деривационной суффиксальной морфемы *[-t-] с окончанием *[-ǫ-]: а) от глагольной формы кратного действия: *[bheitūs // > beitūs (bh > b) // > bitъs (ei > i) // > bitъ] > ст.-сл. **битъ**, рус. бит, польск. bity; б) *[ǫns beitūs > nōs beitūs (ǫ > ǫ) > nabitъs (ei > i) > nabitъ] > ст.-сл. **набитъ**, рус. набит, польск. nabity; *[pěrs bheitūs // > prěs beitūs (ě > ē, bh > b) // > prěbitъs *(ē > ě, ei > i) prěbitъ] > ст.-сл. **прѣбитъ**, рус. перебит, белорус. парабіты, польск. przebity. Альтернация в данных глагольных формах выполняла две функции: а) чисто фонетическую, выравнивавшую тон в слоге и слове *[ě : ē, bh : b, ē : ě, ei : i]; б) – слово- формообразовательную *[ǫns : pěrs, ǫ : t].

Развитие существительных от глагольной корневой морфемы *[bhei-] осуществлялось двумя способами: а) бессуффиксальным путём за счёт альтернанта *[-oi-] в корневой морфеме и окончания *[-ǫ-]: *[bhoiūs // > boiūs (bh > b) // > boiъs (ū > ь) > boiъ] > ст.-сл. **бой** – “битва”, рус. бой, белорус. бой, польск. bój; б) с помощью суффиксальных морфем, например: *[-t-, -ǫu-] и окончания *[-ā-]: *[bheitūuās // > beitūuās (bh > b) // > bitъvas (ei > i, ūu > ъv, ā > a) // > bitǫvas (ǫv > v) > bitvas > bitva] > рус. битва, белорус. бітва, польск. bitwa. В этой части речи альтернанты *[bh : b, ei : i, ūu : ъv, ā : a] выполняли чисто фонетическую функцию, а мена в корневых морфемах дифтонгов *[ei : oi] служила для образования другой части речи, т.е. выполняла словообразовательную функцию.

*[gnei-] – “разлагаться”

О.и.е. корневая морфема *[gnei-] с суффиксом инфинитива *[-tī-] явилась исходной для развития глагольной формы продолжительного состояния *[gneitīs // > gnitъs (ei > i, ĭ > ь) // > gnitъs > gnitъ] > ст.-сл. **гнити**

– “гниль”, рус. гнить, белорус. гніці // гніць, польск. gnić. Ср.:др.-в.-нем. gnītan – “растирать”, латышск. gnīde – “потёртая кожа”, греч. [gniei] – “распадаться на части”. В данной глагольной форме альтернанты *[ei : i, ĭ : ь] выполняли чисто фонетическую функцию.

О.и.е. корневая морфема *[gnei-] послужила развитию глагольной формы однократного состояния посредством служебных слов, впоследствии ставшими префиксальными морфемами, с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[ōns gneītīs // > nōs gneītīs (ō > o) // > nagnītys (ō > a, ei > i, ĭ > ь) > nagnīt] > ст.-сл. **нагнити**, рус. нагнуть, белорус. нагніці, польск. nagnić; *[pērs gneītīs // > prēs gneītīs (ē > ē) // > prēgnītys (ē > ě, ei > i, ĭ > ь) > prēgnīt] > ст.-сл. **прѣгнити**, рус. перегнуть, белорус. перагніці // перагніць, польск. przegnić. В этой глагольной форме *[ō > a, ei > i, ĭ > ь, ē > ē] выполняли чисто фонетическую функцию, но чередования префиксальных морфем *[na < ōns, prē < pērs] служили образованию слов иного значения.

Существительные развились от глагольной морфемы *[gnei-] двумя способами: а) бессуффиксальным путём посредством замены альтернанта *[ei] на *[oi] в корневой морфеме и окончания *[-ĭ-]: *[gnoiūs // > gnojъs (ū > ь) // > gnojъ] > ст.-сл. **гной** – “болячка, навоз”, рус. гной, белорус. гной, польск. gnój; б) морфологическим способом, т.е. при помощи суффиксальной морфемы, например, *[-l-] с окончанием *[-ĭ-]: *[gneiĭs // > gniĭs (ei > i, ĭ > ь) // > gniĭ] > рус. гниль, белорус. гніль, польск. zgnilizna. В существительном *[gnojъ < gnoiūs] мена в корневой морфеме *[ei : oi], видимо, связана с восходящей интонацией, а в существительном *[gniĭ < gneiĭs] сохранялась нисходящая интонация глагольной формы; мена альтернанта в суффиксальной морфеме *[ø : l] выполняла словообразовательную функцию. В то же время альтернанты *[ei : i, ĭ : ь] служили выравниванию тона в слове.

Корневая морфема *[gnoi-] существительного *[gnoiūs] с деривантной морфемой *[-ĭ-] и суффиксом инфинитива *[-tī-] явилась исходной при образовании глагольной формы принудительного действия: *[gnoiītīs // > gnoiītys (oi > oj, ĭ > i) // > gnojīt] > ст.-сл. **гноити** – “испрагаться”, рус. гноить, белорус. гнаіць, польск.gnoić. В данной глагольной форме мена звуков *[oi > oj, ĭ > i] была чисто фонетической, но альтернация *[ø : i] выполняла словообразовательную функцию.

*[gei-] – “существовать”

О.и.е. корневая морфема *[gei-] послужила образованию глагольной формы продолжительного действия бессуффиксальным путём с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[geītīs // > žeitīs (ž < g) // > žītis (ei > i) > žītys (ĭ > ь) >

žiti (žítъ)] > ст.-сл. **жити**, рус. жить, белорус. жыць, польск. żyć. Мена звуков в данной глагольной форме *[g : ž, ei : i, ĭ : ь] являлась чисто фоненической функцию.

Глагольная форма однократного действия развилась посредством служебных слов от глагольной формы кратного действия, например: *[pěrs geitīs // > prēs žeitīs (ě > ē, ei > i, g > ž) // > prěžitīs (ē > ě) > (prěžitъs) (ĭ > ь) > prěžiti (prěžítъ)] > ст.-сл. **прѣжити** – “прожить”, рус. пережить, белорус. перажыць, польск. przeżyć. В данной глагольной форме мена звуков *[ě : ē > ě, ei : i, g : ž, ĭ : ь] тоже была чисто фонетической. Но префиксальная морфема *[ø : prě < pěrs] выполняла формообразовательную функцию.

Глагольная форма принудительного действия развилась от той же корневой морфемы *[gei-] посредством деривационных суффиксальных морфем *[-iū-, -ī-] и суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[geiūitīs // > žeiūitīs (ž < g) // > živitъs (ei > i, iū > ъv, ĭ > i, ĭ > ь) > žiōvitъs (ъv > øv,) > živiti (živítъ)] > ст.-сл. **живити** – “оживлять”, рус. живить – “оживлять”, польск. ożywiać. Ср. др.-инд. javati [džavati] – „живёт”, jivas [dživas] – “живой”, лит. gaivus – “добрый”. Альтернанты *[g : ž, ei : i, iū : ъv, ъv : øv, ĭ : i, ĭ : ь] в данной глагольной форме выполняли чисто фонетическую функцию. Но альтернация суффиксальных морфем *[ø : iū, ī] послужила развитию иной глагольной формы. Трудно согласиться с Галиной Павловной Цыганенко, которая усматривает развитие звука *[v] в лексеме *[živiti (živítъ)] – “живить” из фонемы *[u]: “Корень gei- иногда распространялся звуком v < u” (Цыганенко 1970: 48). Во время развития данной глагольной формы *[v] в свободном виде ещё не было. Этот звук, как известно, развился из неслогового *[u], входившего в состав дифтонга, в последнем периоде существования праславянского языка.

На основании сопоставлений глагольных форм, сохранившихся с префиксальными лексемами в некоторых современных славянских языках, обнаруживается, что в праславянском языке выступала ещё одна глагольная форма продолжительного действия близкая по значению предыдущей глагольной форме *[živiti (živítъ)]. Развилась она посредством замены суффиксального альтернанта *[-ī] на *[-ā] с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[geiūātīs // > žeiūātīs (ž < g) > živātъs (ei > i, iū > ъv, ā > a, ĭ > ь) > žiōvatъs > živati (živatъ)] > рус. переживать, белорус. перажываць, польск. przeżywać. Мена консонантного *[g : ž] и вокальных *[ei : i, iū : ъv, ā : a, ĭ : ь] в данной глагольной форме выполняла чисто фонетическую функцию, а альтернация суффиксальных морфем *[-ī : -ā] – формообразовательную функцию.

Глагольная коренная морфема *[gei-] послужила также развитию существительных с помощью деривационных суффиксальных морфем и определённых окончаний: а) посредством деривационной суффиксальной

морфемы *[-t-] и окончания *[ǫ]: *[geitǫs // > žeitǫs (ž < g) // > žitos (ei > i, ǫ > o) > žito] > ст.-сл. **жито** – “зерновой хлеб”, рус. жито – “всякий хлеб в зерне”, белорус. жита, польск. żyto; б) посредством суффиксальной морфемы *[-r-] и окончания *[-ǫ-]: *[geirǫs // > žeirǫs (ž < g) // > žirǫs // (ei > i, ǫ > ь) > žirǫ] > ст.-сл. **жиръ** – “корм, пажить”, др.-рус. жирь – “пастбище, богатство”, рус. жир; в) с помощью суффиксальной морфемы *[-sn-] и окончания *[-ī-]: *[geisnīs // > žeiznīs (ž < g, z < s) // > žiznīs (ei > i, ī > ь) > žiznǫ] > ст.-сл. **жизнь** – “достаток, имущество”, др.-рус. жизнь – “жизнь, оживление”, рус. жизнь, белорус. жыццё, польск. życie. Ср. греч. [bios] – “жизнь” (b < g). В этих существительных консонантные и вокальные альтернанты *[g : ž, ei : i, ǫ : ь, ī : ь, sn : zn] выполняли чисто фонетическую функцию, а мена суффиксальных морфем *[ǫ : t, ǫ : r, ǫ : sn > zn] – словообразовательную функцию.

От глагольной основы *[geiǫuī-] посредством замены суффиксальной морфемы *[-ī-] на *[-ǫt-] с окончанием *[-ǫ-] развилось существительное: *[geiǫuǫtūs // > žeiǫuǫtūs (ž < g) // > žiǫuǫtǫs (ei > i, ǫu > ьu, ьu > ǫv, ǫ > o, ǫ > ь)] > žiǫvotǫs > životǫ] > ст.-сл. **животъ** – “жизнь, желудок”, рус (уст.) живот, белорус. жывот, польск. żywot – “жизнь”, чеш. život – “жизнь”, в.-луж. život – “тело”. Ср. греч. [biote] – “образ жизни” (b < g). В данном существительном консонантный и вокальные альтернанты *[g : ž, ei : i, ǫu : ьu, ьu : ǫv, ǫ : o, ǫ : ь] выполняли чисто фонетическую функцию, а мена суффиксальных морфем *[-ī : ǫt] – словообразовательную функцию.

Основа существительных явилась производящей для развития прилагательных: а) от основы *[geiǫ-] существительного *[geirǫs > žirǫ] посредством деривационной суффиксальной морфемы *[-īn-] и окончания *[-ǫ-]: произошло прилагательное *[geirīnūs // > žeirīnūs (g > ž) // žirǫnǫs (ei > i, īn > ьn, ǫ > ь) > žirǫnǫ] > ст.-сл. **жирьнъ**, рус. жирен, жирный; б) от основы *[geiǫuǫt-] существительного *[geiǫuǫtūs > životǫ] посредством мены альтернанта суффиксальной морфемы *[-ǫt-] на *[-ǫ-] с окончанием *[-ǫ-]: *[geiǫuǫs // > žeiǫuǫs // > žiǫuǫs (ei > i, ǫu > ьu, ǫ > ь) > žiǫvǫs (ьu > ǫv) > živǫ] > ст.-сл. **живъ** (чь), рус. живой, белорус. жывы, польск. żywy. Ср. лит. gaivus – “добрый”, др.-инд. jivas [dživas] – “живой”; в) от основы *[geisn-] существительного *[geisnīs > žiznǫnǫ] возникло прилагательное путём наращивания суффиксальной морфемы *[-īn-] и окончания *[-ǫ-] с указателем завершения слова *[-s]: *[geisnīnūs // > žeiznīnūs (ž < g) // > žiznǫnǫs (ei > i, sn > zn, īn > ьn, ǫ > ь) > žiznǫnǫs > žiznǫnǫ] > ст.-сл. **жизнень** – “живительный, живой”, рус. жизненный, белорус. жыццёвы. Альтернатива в данных прилагательных выполняла две функции: а) чисто фонетическую консонантных и вокальных *[g : ž, ei : i, īn : ьn : ǫ : ь, ǫu : ьu, ьu : ǫv]; б) словообразовательную *[ǫ : īn, ī : ǫt : ǫ, ǫt : ǫ, ǫ : īn].

*[tĕk-] – “течь”

О.и.е. корневая морфема *[tĕk-] послужила образованию глагольной формы кратного действия бессуффиксальным путём с суффиксом инфинитива *[-tī-]: *[tĕktīs // > tĕkīs (kt > k) // > tečьs (k > č, ĭ > ь) > tečь] > ст.-сл. **тѣцѣти** – “течь, бежать”, рус. течь, белорус. цячы, укр. текти – “течь”, польск. ściec. Ср.: лит. tekù – “течь, бежать”, др.-инд. tákti – “спешить”. В данной корневой морфеме произошло чередование звуков *[k : č, ě : e, ĭ : ь]. Такая альтернатива консонантных и вокальных обуславливалась чисто фонетическим явлением с целью выравнивания тона в слоге и слове и не выполняла она фонологической функции. Звук *[č] являлся аллофоном фонемы *[k].

От глагольной формы *[tečь < tĕktīs] кратного действия образовалась глагольная форма однократного действия посредством служебных слов, впоследствии ставшими префиксальными морфемами: *[ǫs tĕktīs // > ous tečьs (ǫu > ou, ě > e, ĭ > ь) > utečь] > ст.-сл. **оутѣцѣти**, белорус. уцячы, польск. ucieć; *[pĕrs tĕktīs // > prĕs tečьs (ĕ > ě, kt > k > č, ĭ > ь) // > prĕtečьs > prĕtečь] > ст.-сл. **прѣтѣцѣти**, рус. перетечь, белорус. перацячы, польск. przecieć. В данных глагольных формах альтернативы префиксальных морфем *[ø : ou, ø : pĕ] выполняли формообразовательную функцию.

Та же корневая морфема *[tĕk-] посредством фонемного альтернатива *[\̄e : ě] в корневой морфеме вместе с деривационной суффиксальной морфемой *[-ā-], а также с суффиксом инфинитива *[-tī-] послужила развитию глагольной формы кратного действия со значением – “интенсивно течь”: *[tĕkātīs // > tĕkātьs (\̄e > ě, ā > a, ĭ > ь) // > tĕkātь] > ст.-сл. **тѣкати** – “течь интенсивно, бежать”, белорус. уцякаць, польск. uciekać, укр. тікати – „убегать”. Ср.: лит. tekėti – “интенсивно течь”. В данной глагольной форме альтернативы *[\̄e : ě, ā : a, ĭ : ь] выполняли чисто фонетическую функцию.

Существительное развилось от глагольной корневой морфемы *[tĕk-] посредством суффиксальных морфем *[-en-, -ī-] и окончания *[-ĕ-]: *[tĕkenīēs // > tekenijes (ĕ > e) > tečenijes (č < k) > tečenije] > ст.-сл. **теченіє**, рус. течение, белорус. цячэнне. В данном существительном альтернативы *[k : č, ě : e] выполняли чисто фонетическую функцию. Но морфологические альтернативы *[ø : en, ī] служили образованию иной части речи, т.е. выполняли словообразовательную функцию.

*[gŋ- > gŋn- > gьŋ] – “гнать, преследовать”

О.и.е. корневая морфема *[gŋ-] послужила образованию глагольной формы кратного действия совершать движение в одном направлении посредством деривационной суффиксальной морфемы *[-ā-] и окончанием инфинитива *[-tī-]: *[gŋātīs- [gŋātīs] // > gьŋatis (ŋn > ьŋ) // > gьŋatьs (ā > a,

ĩ > ь) > гьнать] > ст.-сл. **гьнати**, рус. гнать, белорус. гнаць, польск. gnać. Ср.: лит. genù, ginti – “гнать”, др.-прусск. guntwei – “гж.”, алб. gjanj – “гоню”, др.-исл. gandez – “тонкая палка”, арм. gan – “удары, побои”. Данная глагольная форма располагала альтернантами *[øп : ьп, ā : а, ĩ : ь], которые выполняли чисто фонетическую функцию.

О.и.е. корневая морфема *[gn-] глагольной формы *[гьнать < gnātis] явилась исходной при образовании глагольной формы кратного действия – движения в разном направлении – с помощью мены деривационной суффиксальной морфемы *[-ā-] на *[-ī-] и окончанием инфинитива *[-ī-]: *[gnīītis > gnōītis // > гьнитис (øп > ьп, ī > ĩ, ĩ > ь) // > gonitъ (ьп > on)] > ст.-сл. **гонити**, рус. гонить, польск. gonić. Ср.: др.-инд. hānti – “бьёт”. В этой глагольной форме альтернанты выполняли две функции: *[øп : ьп, ьп : on, ī : ĩ, ĩ : ь] – чисто фонетическую, служившую выравниванию тона в слове и слоге; *[ā : ī] – формообразовательную.

Та же о.и.е. корневая морфема *[gn-] глагольной формы *[гьнать < gnātis] была использована при образовании глагольной формы кратного действия, совершавшегося в разное время, в разных направлениях, посредством вставки деривационной суффиксальной фонемы *[-ī-] и окончания инфинитива *[-ī-]: *[gnīīātis - [gnōīātis] // > гьныiatis (øп > ьп, īi > ыi) // > gon'atъ (ьп > on, ыi > 'ø, ā > 'а, ĩ > ь) > рус. гонять, белорус. ганяць, польск. ganiać. Данная глагольная форма располагала двумя видами альтернантов: *[øп : ьп, īi : ыi : ыi : 'ø, ā : 'а, ĩ : ь], выполнявшими чисто фонетическую функцию; *[ø : īi] – формообразовательную функцию.

Личные глагольные формы данного однокоренного гнезда настоящего времени развились от глагольной основы настоящего времени посредством суффиксальных морфем *[-ō-, -īi-] с соответствующими окончаниями: (1-е лицо ед.ч.) *[gnīōīōns - [gnōīōns] // > гьниōiōns (øп > ьп, ī > ĩ, ō > o, īi > ыi, ōп > on) // > гьниQs (oыi > øj) > гьnjQ]. > ст.-сл. **гонѣж**, рус. гоню, белорус. (уст.) гоню, польск. gonię; (2-е лицо ед.ч.) *[gnīōīōsis - [gnōīōīōsis] // > гьниōiōsis (øп > ьп, ī > ĩ, ōīi > oыi, sī > sь) // > гьниōiōsis (oыi > øi) > гьnijšs (øi > j) гьнишь (ij > i)] > ст.-сл. **гониши**, рус. гонишь, белорус. гоніш, польск. gonisz; (3-е лицо ед.ч.) *[gnīōīīti(ũ) - [gnōīōīti(ũ)s] // > гьниōiыть(ь)s (ōīi > oыi, ĩ > ь) > гьниōiыть(ь)s (oыi > øi) > гьниiыть (iøi > ii) > гьниыть(ь)s (ii > i) > гьниыть(ь)] > ст.-сл. **гонить(ь)**, рус. гонит, белорус. гоніт, польск. goni. Альтернатива в личных формах глагола выполняла две функции: *[øп : ьп, ī : ĩ, ōīi : oыi : øi, īi : i, ĩ : ь] – чисто фонетическую; *[Q : šь : ь(ь)] – формообразующую, при помощи мены личных окончаний и тематических морфем *[-ōīi : oыi : øi : i].

Однократная форма глагола данного однокоренного гнезда достигалась при помощи служебных слов, например: *[pōs gnīītis - [gnōīītis] // > pos гьнитис (ō > o, øп > ьп, ī > i) // > rogьnitъ (ĩ > ь) > rogьnitъ] > ст.-сл. **погьнати**. – “поехать”, рус. погонить, польск. rogonić. В этой глагольной форме альтернанты

*[ǫ : o, ǫn : ьn, ī : i, ĭ : ъ] выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернант *[ǫ : ro < rǫs] – формообразовательную.

Существительные развились от той же корневой морфемы *[gŋ-] или глагольной основы двумя способами: а) бессуффиксальным путём с окончанием *[-ǫ-]: *[gŋūs – [gŋŋūs] // > гънъс (ǫn > ьn, ū > ъ) // > гонъс (ьn > on) > гонъ] > ст.-сл. **гонъ** – “погоня”, рус. гон, польск. gon; б) от основы *[gŋni-] глагольной формы *[gŋniť < gŋniťis] посредством разного вида деривационных суффиксальных морфем, например, *[-t-, -ū-]: *[gŋniťūās – [gŋniťūās] // > гъниťуас (ǫn > ьn, ī > i, ū > ъ, ā > a) // > гъниťвас (ъ > ьv) > gŋniťova (ьv > ǫv)] > ст.-сл. **гонитва** – “преследование”, польск. gŋniťwa. В данных существительных альтернанты *[ǫn : ьn, ū : ъ, ī : i, ū : ъ, ā : a, ъ : ьv : ǫv] выполняли чисто фонетическую функцию, а мена *[ǫ : t, ū > ъ > ьv > ǫv] в суффиксальных морфемах – словообразовательную.

Существительные также могли образовываться при помощи служебных слов от беспрефиксальных существительных *[gŋŋ < gŋūs]: *[rǫs gŋūs – [gŋŋūs] // > rǫs гънъс (ǫ > o, ǫn > ьn) // > rǫgŋŋ (ьn > on) > rǫgŋŋ > ст.-сл. **погонъ** – “погоня”, рус. погоня, белорус. погоня, польск. rǫgŋŋ. В данном существительном альтернанты выполняли две функции: *[ǫ : o, ǫn : ьn, ьn : on, ū : ъ] – чисто фонетическую; *[ǫ : ro < rǫs] – словообразовательную.

*[eid-, sĭd-] – “двигаться”

Глагольные формы *[eidťis, sĭdťis] развились от разных корневых морфем (суплетивные). Это, как кажется, произошло по необходимости образования глагольных форм, противопоставлявшихся по действию.

Глагольная форма кратного действия – движения в одном направлении – возникла от корневой морфемы *[eid-]: *[eidťis > idťi], а глагольная форма кратного действия – движения в разных направлениях – развилась от корневой морфемы *[sĭd- > sĭd-] : *[sĭdťis > chodĭť]. В корневой морфеме *[sĭd-], как кажется, произошла замена фонем *[-ĭ- : -ǫ-] в связи с выравниванием тона в слове и слове (акутового или циркумфлексного), но она не отразилась на содержании значения корневой морфемы. Данное предположение зиждется на анализе некоторых глагольных форм (причастия прошедшего времени), сохранившихся в старославянском и некоторых современных славянских языках. Развивались они, как известно, от основ инфинитива без мены фонем в корневой морфеме: ст.-сл. **шедлъ, шьдла, шьдло**, рус. **шѐл, шла, шло**, где сочетание [-дл- > -л-], ер мягкий [-ь-] в слабой позиции выпал, в сильной – развился в [’o] (графически “ѣ”); белорус. **шоў, шло, шла**, польск. **szedł, szła, szło**.

О.и.е.корневая морфема *[eid-] послужила развитию глагольной формы кратного действия – движения в одном направлении – образовалась бессуффиксальным путём с суффиксом инфинитива *[-ti-]: *[eidťis // > istis

(ei : i, dt : st) // > jisti (j – протетическое)] > ст.-сл. ити, рус. идти, белорус. ісці, польск. iść, серб. ити, чеш. jíti. В данной глагольной форме альтернаты **[ei : i, dt : st, ø : j]* выполняли чисто фонетическую функцию.

О.и.е. корневая морфема **[sīd-]* явилась источником образования глагольной формы кратного действия посредством замены в корневой морфеме **[ī > ō]* – движения в разном направлении – с деривационной суффиксальной морфемой **[-ī-]* и суффиксом инфинитива **[-ī-]*: **[sīdītis > sōdītis (ī > ō) // > xodītis (s > x, ī > i) // > xodīť(i)s (ī > i, ь) // > xodīť(i)]* > ст.-сл. *ходити*, рус. ходить, белорус. хадзіць, польск. chodzić. В этой глагольной форме альтернаты выполняли чисто фонетическую функцию: **[ī : ō, s : x, ī : i, ī : ь]*.

От корневой морфемы **[sōd- < sīd-]* развилась глагольная форма кратного действия – многократно ходить – посредством альтернаты вокальных фонем в корневой морфеме **[-ō- : -ō-]* (долгота вокальных, как известно, указывала на продолжительность действия или состояния) и деривационных суффиксальных морфем **[-īī-, -ā-]* с окончанием инфинитива **[-ī-]*: **[sōdīīātis // > xōdīīātis (s > x) // > xadīiatъ (ō > a, īī > ы, ā > a, ī > ь) > xadōiatъ (ы > øi) > xadžatъ (døi > dž)]* > ст.-сл. *хаждати*, рус. (уст.) хаживать < хажати, польск. chadzać. В данной глагольной форме альтернаты **[ō : a, īī : ы, ā : a, ы : øi, d : dž, ī : ь]* выполняли чисто фонетическую функцию, а альтернаты **[ō : ō, ī : īī, ā]* – формообразовательную.

От той же глагольной корневой морфемы **[sōd-]* образовались существительные двумя способами: а) бессуффиксальным путём с окончанием **[-ī-]*: **[sōdūs // > xōdūs (s > x) // xodъs (ō > o, ū > ь) > xodъ]* > ст.-сл. *ходъ*, рус. ход, белорус. ход, польск. chód; б) посредством деривационных морфем **[-en-, -īī-]* с окончанием **[-ě-]*: **[sōdenīēs // > xōdenīēs (s > x) // > xodenъies (ō > o, īī > ы, ě > e) > xodenōies (ы > øi) > xodženje (den > džen, øi > j)]* > ст.-сл. *хождение*, рус. хождение, белорус. хадженне, польск. chodzenie. В данных существительных альтернаты **[s : x, ō : o, ū : ь, īī : ы, ы : øi : j, den : džen, ě : e]* выполняли чисто фонетическую функцию; *[ø : en, īī : ы, ы : øi : j]* – словообразовательную функцию.

Причастия – одна из глагольных форм, как кажется, уже выступали в о.и.е. языке, так как причастия известны и другим языковым группам индоевропейской семьи. Например, действительные причастия настоящего времени праславянского языка: **[bhēr-ō-nt-ūs // > bēr-ō-nt-ūs (bh > b) > bēr-ū-ntūs (ō > ū) // > beryntъ (ū > y) > berynt > bery (nt отпало)]* > ст.-сл. *беры* (рус. берущий). Ср. др.-инд. bharantam, греч.[fērōnta], лат. ferentem (f < bh). Мы остановимся только на некоторых дискуссионных образованиях причастий, где выступала мена консонантных в корневой морфеме.

Действительные причастия прошедшего времени, как известно, образовывались посредством суффиксальной морфемы **[-ū-]* и указателя конца слова **[-s]* от основы инфинитива, оканчивавшейся на суффиксальные во-

кальные фонемы *[-ā-, -ī-], - возникало зияние между двумя вокальными. Такого явления со словесным ударением язык не терпит, так как оно препятствовало плавному произношению слова. В начальном периоде праславянского языка оно было характерным при отсутствии словесного ударения вообще, так как произношение слов было посложное. С развитием словесного ударения в следующих периодах существования языка, в частности музыкального, требовавшего построения слога от консонантного к вокальному. Возникла необходимость использования вставки консонантного между вокальными, т.е. протезы. Протезами в праславянском языке были только неслоговые *[u, i]. В данном причастии после вокального заднего ряда могла выступать протеза *[u] неслоговое, а после вокального переднего ряда - *[i] неслоговое. Так возникли вторичные дифтонги: *[-snā-ŭ-s // > znā-ŭ-s (s > z) // > znā-u-ŭ-s > zna-v-ŭ-s (ā > a, u > v) > zna-v-ŭ-s (ŭ > ъ) > znavъ] > ст.-сл. **знавъ** – “знавший” от инфинитива *[-znatъ]; *[-sōdī-ŭ-s // > xōdī-ŭ-s (s > x) // > xod-ī-ŭ-s (ō > o, ī > i) xod-ы-ъ-s (ī > ы) // > xod-oi-ъ-s (ы > oi) > xod-øj-ъs > xodž'ъs (døj > dž', ъ > ь) > xodž'ъ] > ст.-сл. **хождь** – “ходивший”, где *[-ī] перед *[-j] редуцировалось из-за близости по качеству этих двух звуков, а ер твёрдый *[-ъ < ŭ] после *[-j] переходил в ер мягкий *[-ь]. Согласно мнению Хабургаева в причастиях, образовавшихся от глагольной основы на суффиксальный*[-i-], не было протезирования, а *[-i-] в основе инфинитива изменялся в *[-j-] „перед гласным причастного суффикса ещё в праславянском языке конечный *i в основе инфинитива изменялся в *i > *j,, (Хабургаев 1974: 297).

В славянских языках, как известно, существуют две глагольные основы: основа инфинитива и основа настоящего времени. Основа настоящего времени должна отличаться от основы инфинитива по составу деривационных морфем. В старославянском языке основа настоящего времени определяется по содержанию так называемого тематического гласного в отличии от основы инфинитива. Такими тематическими вокальными (суффиксом) в старославянском языке считаются [e, и, o]. Однако не во всех личных формах глагола эти морфемы выступают. Считается, что они (морфемы) унаследованы из праславянского языка, но не сохранились во всех личных глагольных формах. Об этом засигнализировал Хабургаев, что в 1-ом лице sg. и в 3-ем лице pl. не сохранилось тематического гласного (Хабургаев 1974: 258). По нашему мнению, основа настоящего времени развилась от основы инфинитива посредством деривационных морфем *[-ō-, -ī-] во всех лицах, а указанные тематические вокальные - учитывая развитие музыкального словесного ударения и его следствия - являются лишь остатком исконных морфем.

Несохранившиеся деривационные морфемы из праславянского языка в старославянском языке в 1-ом лице ед. ч. и в 3-ем лице мн. ч. , по нашему мнению, можно восстановить на основании оставшихся “следов” в этих

личных глагольных формах, основа которых в инфинитиве завершалась заднеязычным *[g, k, x] и консонантным *[s, z, t, d, b, p, v, m], используя закономерности их изменений в фонетической позиции перед *[e, ь], например: 1-е лицо sg. *[nǫsǫiǫns // > nosiǫions (ǫ > o, ī > i, ǫī > оы, ǫn > on) // > nosǫions (io > ѳ) > noš' Qs (sǫ > š' >) > noš' Q (on > Q)] > ст.-сл. **нош'ѡ**, рус. ношу, белорус. нашу, польск. noszę. В последнем периоде развития праславянского языка выпало сочетание двух вокальных *[io], создававшее “зияние” (перерыв в артикуляции между двумя вокальными), препятствовавшее плавности речи. А сочетание *[sǫi] трансформировалось в *[š'], выравнивая тональность в слове. Альтернанты этой личной глагольной формы *[ǫ : o, ī : i, ǫī : оы, ǫn : on, io : ѳ, on : Q, sǫ : š'] выполняли чисто фонетическую функцию, не отражавшуюся на значении лексемы.

Возникает вопрос: Почему не произошла трансформация *[s] в личной глагольной форме, образовавшейся от глагольной основы однокоренного гнезда *[nǫs-] глагола *[nǫstis]: 1-ое лицо sg. *[nǫsǫiǫns // nesǫions (ǫ > e, ǫī > оы, ǫn > on) > nesons (оы > ѳ) > nesQs (on > Q) > ст.-сл. **несѡ**, рус. несую, белорус. нясу, польск. niosę? Альтернанты *[ǫ : e, ǫī : оы, ǫn : on, оы : ѳ] выполняли чисто фонетическую функцию. Сочетание *[оы > ѳ], препятствовавшее плавности произношения, выпало. Консонантный *[s], оказавшийся перед вокальным *[o], как известно, в такой фонетической позиции не подвергался изменению.

Также возникает вопрос: Почему не трансформировался тот же консонантный *[s] в 3-лице pl. однокоренных лексем *[nǫs-, nǫs-]:

а) *[nǫsǫiǫntǫs // > nosiǫintǫs (ǫ > o, ī > i, ǫī > оы, ū > ь) > nosǫintǫs (oi > ѳ) > nosentǫs (ы > e) > nosętǫs (en > e) > nosętǫ] > ст.-сл. **носѡтъ**, рус. несут. польск. noszą. В этой глагольной форме альтернанты *[ǫ : o, ī : i, ǫī : оы, ū : ь, oi : ѳ, ы : e, en : e] являлись чисто фонетическими, служившие созданию плавности произношения данной глагольной формы. Сочетание двух гласных *[oi] выпало, так как между ними происходил перерыв артикуляции (зияние).

б) *[nǫsǫiǫntǫs // > nesǫitǫs (ǫ > e, ǫī > оы, ǫn > on, ū > ь) // > nesontǫs > (оы > ѳ) > nesQtǫs (on > Q) > nesQtǫ] > ст.-сл. **несѡтъ**, рус. несут, польск. niosą. В данной глагольной форме альтернанты *[ǫ : e, ǫī : оы, ǫn : on, ū : ь, оы : ѳ, on : Q] выполняли чисто фонетическую функцию. Сочетание *[оы] по поводу “зияния” между двумя вокальными выпало. В этих глагольных формах однокоренного гнезда консонантный *[s] оказался в положении перед фонемой *[o], неспособовавшей трансформации.

Примеры личных глагольных форм, основа в инфинитиве которых заканчивалась на вокальный:

От основы *[zna-] глагола [znatъ < gnōtīs]: (1-е лицо sg.) *[gnōđīiōns // > znaoīions (g > z, ō > a, đīi > oby > ōn > on) // > znaoīions > znaoōions (ы > oī) > znaoīQs (on > Q)] > znaoīQ] > ст.-сл. **знаѣж**, рус. знаю, польск. znam. В этой глагольной форме консонантные и вокальные альтернанты *[g : z, ō : a, ę : e, đīi : oby, ōn : on, ū : ъ, oby : ø, on > Q] выполняли чисто фонетическую функцию, сочетание *[об < oī] выпало как избыточный элемент в создании плавности произношения этой глагольной формы, но альтернанты *[ø : oīi] – выполняли формообразовательную функцию.

От глагольной основы *[xodi-] глагола *[xoditъ < sōđītīs] (1-е лицо sg.) *[sōđīoīiōns // > xodiobyions (s > x, ō > o, ī > i, oīi > oby, ōn > on) // > xodōions (io > ø), > xodžons (døi > dž) > xodžQs (on > Q) > xodžQ] > ст.-сл. **хожда'ж**, рус. хожу, белорус. хаджу, польск. chodzę. В этой глагольной форме консонантные и вокальные альтернанты *[s : x, ō : o, ī : i, oīi : oby, io : ø, ōn : on, døi : dž', on : Q] выполняли чисто фонетическую функцию, сочетание *[io < iō] выпало как препятствующий элемент в создании соответствующего в слове тона, а альтернанты *[ø : oīi] – формообразовательную функцию; (2-е лицо sg.) *[sōđīoīisīs // > xodiobyisys (s > x, ō > o, ī > i, oīi > oby, ī > ъ) > xodisys (io > ø) > xodis'ys (ы > i, sy > š') > xodis'ь] > ст.-сл. **ходиши**, рус. ходишь, белорус. ходіш, польск. chodzi. В этой глагольной форме консонантные и вокальные альтернанты *[s : x, ō : o, ī : i, oīi : oby, io : ø, ōn : on, on : Q, ы : i, s : š'] служили выравниванию тона в слове, т.е. выполняли чисто фонетическую функцию, вокальное сочетание *[io < iō] выпало как избыточный элемент в создании тона в слове, а альтернанты *[ø : oīi] – формообразовательную функцию; (3-е лицо pl.) *[sōđīoīitūs // xodiobytys (s > x, ō > o, ī > i, oīi > oby, ū > ъ) // > xoditys (io > ø) > xoditys (ы > i) > xoditъ] > ст.-сл. **ходитъ**, рус. ходит, белорус. ходзіць, польск. chodzi. Консонантный и вокальные альтернанты данной глагольной формы *[s : x, ō : o, ī : i, oīi : oby, io : ø, ōn : on, on : Q, ū > ъ] выполняли чисто фонетическую функцию, сочетание *[io < iō] выпало, препятствовавшее плавности произношения, но альтернанты *[ø : oīi] – формообразовательную функцию.

Личные глагольные формы, которых основа в инфитиве оканчивалась на *-non-]:

От глагольной основы *[dvignon-] глагольной формы *[dvignontъ < dūuīgnontīs]: (1-е лицо sg.) *[dūuīgnonōiōns // > d̥vignonobyions (ū > ъv, ī > i, oīi > oby, ōn > on) // d̥vignonons (oby > ø) > d̥vignons (on > ø) dvignQs (on > Q) > dvignQ] > ст.-сл. **двигнѣж**, рус. двигну. В данной глагольной форме альтернанты *[ūu : ъv, ī : i, oīi : oby, ōn : on, oby : ø, on : ø, on > Q] выполняли чисто фонетическую функцию, сочетания *[on, oby < oīi] выпали как избыточный элемент, препятствовавший созданию тона в слове, а альтернанты *[ø : oīi] несли формообразовательную функцию; (2-е лицо sg.) *[dūuīgnonōisīs // d̥vignonobyisys (ū > ъv, ī > i, oīi > oby, ī > ъ) // > d̥vignisys (ъv > øv, on > ø,

o > ø) > dvignešъs (ы > e, съ > š'ъ) > dvigneš'ъ] > ст.-сл. **ДВИГНЕШИ**, рус. **двигнешь**. В этой глагольной форме консонантные и вокальные альтернанты *[ǔu : ѡv, ī : i, õī : oby, ĭ : ѡ, ѡv : øv, on : ø, o : ø, ы : e, s : š'] выполняли чисто фонетическую функцию, сочетание *[on] и вокальный *[o] выпали как избыточный элемент, препятствовавший в создании тона, а альтернанты *[ø : õī] - формообразующую функцию; (3-е лицо sg.) *[dǔūīgnonõītūs // dǔvīgnonobyтs (ǔu > ѡv, ī > i, õī > oby, ŭ > ѡ) // > dvignītъs (o > ø) > dvignetъs (ы > e) > dvignetъ] > ст.-сл. **ДВИГНЕТЪ**, рус. **двигнет**, а альтернанты *[ø : õī] имели формообразовательное значение; (3-е лицо pl.) *[dǔūīgnonõītūs // > dǔvīgnonobyтs (ǔu > ѡv, ī > i, õī > oby, ŭ > ѡ) > dǔvīgnontъs (on > ø, ы, > ø) > dǔvīgnQtъs (on > Q) > dǔvīgnQt (ѡv > øv)] > ст.-сл. **ДВИГНѢТЪ**, рус. **двигнут**. Данная глагольная форма располагала альтернантами *[ǔu : ѡv > øv, ī : i, õī : oby, ŭ : ѡ, on : ø, ы : ø, on : Q], выполнявшими чисто фонетическую функцию, сочетания *[on, ы] выпали как избыточный элемент, но *[ø : õī] – формообразующую функцию.

Итак, в праславянском языке основа личных глагольных форм образовывалась от основы инфинитива посредством деривационных суффиксальных морфем *[-ǔ-, -ī-] – кроме так называемых нетематических глаголов – от которой (после всевозможных трансформаций) остались только “следы” в 1-ом лице sg. и в 3-ем лице pl., а в остальных лицах незначительная её часть *[e, i]. Отсутствие трансформаций, перечисленных выше консонантных фонем, обуславливается их фонетической позицией, т.е. сочетаемостью не с фонемами переднего ряда *[e, ѡ].

Таким образом, альтернация в праславянском языке выполняла две функции: чисто фонетическую и слово-формообразовательную.

Вокальные и консонантные альтернанты, выступавшие в одной и той же лексеме, служили для создания тона в слоге и слове. А являлись они следствием развития словесного ударения, в частности музыкального, так как о.и.е. язык, как кажется, был монотонным и коммуникативность языка могла обеспечить сама фонологическая система. В праславянском языке сама фонологическая система уже не могла обеспечить потребности языковой коммуникативности. Тогда языку необходимо было прибегать к какому-то приёму, восполнявшему фонологическую систему. Им оказалось словесное ударение, которое вместе с фонемами выполняло фонологическую функцию. Словесное ударение, в частности музыкальное, зиждется на создании плавности речи. Количественная характеристика вокальных и качественная характеристика некоторых консонантных препятствовала такому созданию речи, которое вызвало их трансформацию. Отсюда вокальные и консонантные каждого следующего периода развития языка являлись аллофонами предыдущего периода, например: *[nǔŕkās > nogъkas (ǔ > o, ŭ > ѡ, ā > a) >

погъка] – рус. норка. Здесь альтернанты *[ǫ : о, ū : ъ, ā : а] выполняли чисто фонетическую функцию.

Альтернанты вокальных или дифтонгов в корневых или суффиксальных морфемах, кроме фонетической функции, выполняли ещё слово-формообразовательную функцию: *[lĕkstētis // > lētētis (ks – выпало) // > lētēti(ь)s (ē > ě, > ē > ě) > lētēti(ь)] – рус. лететь и *[lĕkstātis // > lētātis (ks – выпало) // > lētati(ь)s > (ē > ě, ā > а) > lētati(ь)]- рус. летать. В этой паре глагольных форм вокальные альтернанты выполняли чисто фонетическую функцию [ē : ě, ā : а] с целью выравнивания тона в слове. Но мена альтернантов *[ē : ā] в суффиксальных морфемах служила образованию глагольных форм. А развитие существительного от глагольной корневой морфемы произошло посредством мены вокального *[ē : ǫ] в коренной морфеме *[lōkstās // > lōstās (k- выпало) // > lastas (ǫ > а, ā > а) > lasta] - рус. ласточка. В данном существительном альтернанты *[ǫ : а, ā : а] служили выравниванию тона в слове, а альтернанты в корневой морфеме *[ē : ǫ] выполняли словообразовательную функцию.

Альтернанты консонантных в корневых и суффиксальных морфемах, трансформировавшиеся в определённый звук, являлись только аллофонами соответствующих консонантных и не выполняли словообразовательной функции: *[gei-s-nīs // > gei-z-nīs (s > z) // > ži-z-nьs (g > ž', ei > i, ī > ь) > ž'izнь] - рус. жизнь. Здесь альтернанты *[g : ž, s : z]; *[kaīā-s-nīs // > ka-z-ньs (s > z) *ai] – выпало как препятствующий элемент в создании тона) // > kazнь] > рус. казнь. В лексеме **казнь** альтернанты*[s : z]; *[mū-s-īs // му-s-ьs (ū > у, ī > ь) > му-š'-ьs (s > š') // > му-š'-ь] - рус. мышь. В слове **мышь** альтернанты *[s : š'); *[mū-s-kūs // > mū-s-ūs (k – выпало) > ть-s-ьs (ū > ь) // > ть-x-ьs (s > x) > тьхъ] - рус. мох. В лексеме **мох** альтернанты *[s : x]. Во всех приведённых примерах консонантные альтернанты выполняли чисто фонетическую функцию, являвшуюся следствием развития музыкального словесного ударения. Но альтернанты суффиксальных морфем, которые явились результатом мены при образовании других частей речи, выполняли словообразовательную функцию.

Образование существительных от глагольных морфем проходило двумя способами: а) бессуффиксальным путём, например, от глагольной корневой морфемы *[bei-] глагольной формы *[biti(ь) < beitiš] : *[boiūs > boiъs > bojъ] > рус. бой; от корневой морфемы *[gnei-] глагольной формы *[gniti(ь) < gneitiš] : *[gnoiūs > gnoiъs > gnojъs > gnojъ] > рус. гной. В данных словоформах в корневых морфемах произошла мена дифтонгов *[ei : oi], выполнявших словообразовательную функцию, тем самым образуя другую часть речи; б) посредством суффиксальных морфем. В таких существительных, как правило, не происходило чередование в корневых морфемах. Словооб-

разовательную функцию выполняли суффиксальные морфемы, например: *[gei-] *[žito < geitīs]: *[geitōs > žitos > žito] > рус. (уст) жито; от глагольной корневой морфемы *[gnei-] глагольной формы *[gniti(ь) < gneitīs]: *[gneilīs] > gnilьs > gnilь] > рус. гниль. Отсутствие мены вокальных или дифтонгов в корневых морфемах, развившихся от глагольной корневой морфемы, можно предположить, что это результат музыкального словесного ударения (акута или циркумфлекса).

STRESZCZENIE

Artykuł podejmuje próbę ustalenia funkcji alternacji wokalnych i konsonantnych fonemów zarówno w morfemach rdzennych, jak też w morfemach derywacyjnych. Analiza ta została sporządzona według okresów rozwoju języka prasłowiańskiego. Wyodrębnią się je na podstawie zachodzących istotnych zmian fonologicznych głosek. W artykule szczególnej analizie poddane są formy osobowe czasowników, których temat zarówno w języku starosłowiańskim, jak i we współczesnych językach słowiańskich kończy się na tak zwaną samogłoskę tematyczną. Badaniem zostały objęte przeważnie wyrazy utworzone od rdzeni języka praindoeuropejskiego. O ich pochodzeniu świadczy fakt, że rdzenie te występują w wielu językach indoeuropejskich.

Słowa kluczowe: alternacja, funkcja, fonologia, morfologia, samogłoski, spółgłoski.

SUMMARY

The paper attempts to determine the function of vocal and consonant alternations of phonemes in both root and derivational morphemes. This analysis has been carried out by development periods of the Proto-Slavic language. Such periods are identified based on significant phonological changes of speech sounds. The paper includes a specific analysis of personal verb forms, whose stem ends in the so-called stem vowel in Old Church Slavonic as well as in modern Slavic languages. The research primarily encompassed the words derived from the roots of the Proto-Indo-European language. Their origin is confirmed by the fact that these roots are found in many Indo-European languages.

Keywords: alternation, funktion, phonology, morphology, vowels, consonants.

BIBLIOGRAFIA

- Bednarczuk L. et al, 1986, *Języki indoeuropejskie*, t. 1, Warszawa.
- Czerniakiewicz J., 2003, *Некоторые особенности просодии (ударения) и отражения её на структуре слова* „Przegląd Rusycystyczny” nr 2.
- Klemensiewicz Z. et al., 1981, *Gramatyka historyczna języka polskiego*, Warszawa.
- Kuryłowicz J., 1956, *L'apophone en indo-europeen. Apofonia w językach indoeuropejskich*, Wrocław.
- Kuryłowicz J., 1957, *O jedności językowej bałto-słowiańskiej*, „Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego”, t. XVI.
- Milewski T., 1969, *Z zagadnień językoznawstwa ogólnego i historycznego*, Warszawa.
- Polański K. (red.), 2003, *Encyklopedia językoznawstwa ogólnego*, Wrocław.
- Vaillant A., 1966, *Grammaire comparée des langues slaves, III: Le verbe*, Paryż.

- Беседина-Невзорова В. П., 1962, *Старославянский язык*, Харьков.
- Бошкович Р., 1984, *Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование*, Москва.
- Кривчик В. Ф., Можейко Н. С., 1970, *Старославянский язык*, Минск.
- Хабургаев, Г. А., 1974, *Старославянский язык*, Москва.
- Цыганенко Г. П., 1970, *Этимологический словарь русского языка*, Киев.
- Шведовой Н. Ю. (ред.), 1970, *Грамматика современного русского языка*, Москва.